

АВТОНОМИЗМУС, СОЦИАЛИЗМУС И ИДИОТИЗМУС: ЕВРОПЕИЗМЫ В ИВРИТЕ, 1917—1918

© 2015 г. **Софья Борисовна Ямпольская**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия; Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 191187, Россия
sonyayamp@gmail.com

Концептуализация истории иврита на рубеже XIX—XX вв. представляет собой интересную проблему для социолингвистики. Существующие теории, весьма разнящиеся между собой, сходятся в одном положении: иврит претерпел кардинальные изменения в Палестине в указанный период времени. Одной из важных задач модернизации иврита, которую часто называют «возрождением» языка, было расширение словаря.

Настоящая статья предлагает анализ европейских заимствований (500 лексем), обнаруженных в московской газете на иврите, выходившей в 1917—1918 гг. Заимствования рассматриваются с точки зрения орфографической, грамматической и морфологической адаптации, с опорой на материал ивритской прессы предыдущего периода (второй половины XIX в.). Анализ материала показывает, что основные модели адаптации заимствований, работающие в современном иврите, сложились в начале XX в. вдали от Палестины, т. е. от деятельности Э. Бен-Иегуды и от новых поколений говорящих, для которых иврит стал первым языком, что не вписывается в существующие теории.

Ключевые слова: диглоссия, распад диглоссии, нативизация языка, европеизмы, заимствования, газетный иврит, идиш, ашкенозис, возрождение иврита

AVTONOMIZMUS, SOCIALIZMUS AND IDIOTIZMUS: EUROPEAN LOANWORDS IN HEBREW, 1917—1918

Sonya B. Yampolskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia; European University at St. Petersburg, St. Petersburg, 191187, Russia
sonyayamp@gmail.com

Conceptualisation of Hebrew language history at the turn of 19th—20th centuries poses a curious and problematic case for sociolinguistics. Modern theories on this subject, often contradicting one another, have one assumption in common: Hebrew underwent crucial linguistic changes in Palestine during the period. The Hebrew language modernization usually referred to as Hebrew «revival» faced inter alia a challenge to expand Hebrew vocabulary.

The article at hand presents an analysis of European loanwords (500 lexemes), found in a daily Hebrew newspaper, published in Moscow in 1917—1918. Orthographic, morphological and grammar adaptation of the loanwords, as well as functional groups of borrowings, are examined, building on the data of Hebrew newspapers of the previous period (the second half of the 19th century). The analysis shows that basic models of loanword adaptation, which are still actual in Modern Hebrew, were elaborated in the early 20th century far away from Palestine, i.e. both from activity of Ben-Yehuda and from first generations of Hebrew speakers, thus our general interpretations of Hebrew history remain open to question.

Keywords: diglossia, dissolution of diglossia, language nativization, europeisms, loanwords, newspaper Hebrew, Yiddish, Ashkenazic Hebrew, Hebrew revival

0. ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье¹ речь пойдет о заимствованной международной лексике в иврите столетней давности на материале газеты на иврите «Гоом» («Народ»), выходившей в Москве в 1917—1918 гг. В основе работы — 500 новых заимствований, обнаруженных в «Гооме». Под новыми заимствованиями мы понимаем слова, вошедшие в иврит после 1880 г., большая их часть начинает широко использоваться в 1910-е гг. Исследование преследует две цели: 1) описать и представить материал, не исследовавшийся до сих пор; 2) попытаться осмыслить, как полученные данные согласуются или не согласуются с общими теориями, описывающими развитие иврита в начале XX в.

Этот период в истории языка особенно интересен: то ли «мертвый» древнееврейский язык в начале XX в. оживает и становится разговорным языком в Палестине, то ли в это время рождается совершенно новый еврейский язык...

В периодизации иврита принято выделять иврит маскильский (европейский иврит со второй половины XVIII в. по 1881 г., когда Э. Бен-Иегуда, идеолог возрождения иврита, переезжает в Палестину) и современный израильский иврит (иврит Палестины, позже Израйла, с конца XIX в. по сей день); из последних работ см. [Zuckermann 2009: 44]. При этом европейский иврит начала XX в. оказывается за пределами общепринятой периодизации языка и вне внимания исследователей².

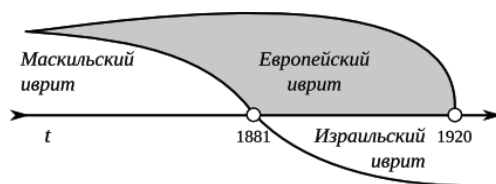

Рис. Периодизации иврита

Традиционно выделяются маскильский иврит (Западная и затем Восточная Европа) и сменяющий его израильский иврит. Как можно видеть, за пределами такой хронологии остается европейский иврит 1880—1920.

Если мы посмотрим на развитие иврита не ретроспективно — из нашего времени в прошлое, а взглянем на синхронный срез 1917—1918 гг., то окажется, что именно Восточная Европа, а в эти годы в особенности Москва, была центром языковой активности иврита. Тогда Шаляпин пел со сцены «Атикву», Бялик читал открытые лекции на иврите в зале Политехнического музея, а Цемах открывал в Москве театр на иврите «Габима» (режиссером которого был Вахтангов). В России действовали десятки ивритских детских садов³, в Мо-

¹ Автор выражает глубокую признательность Керен Дубнов, Дов-Беру Керлеру и Николаю Вахтину за замечания и дополнения к работе, а также сердечно благодарит Анну Верщик, Лили Кан, Гилада Цукерманна, Анну Кушкову и Ариэля Когана за предоставление научных материалов, недоступных в России. Никто из вышеперечисленных, разумеется, не несет ответственности за содержание статьи.

² На недостаточную изученность европейского иврита, в частности, сетует Л. Глинерт в предисловии к выпущенному им сборнику «Hebrew in Ashkenaz: language in exile» [Glinert 1993: 3]. Несколько исправляет положение недавняя монография Б. Харшава «Language in time of revolution» [Harshav 1993], в которой автор уделяет внимание также событиям, происходившим в России и Восточной Европе. Книга получила широкую популярность и в 2008 г. была переведена на русский язык [Харшав 2008]. Поскольку это первая работа в своем роде, она носит общий характер и дает импульс дальнейшим детальным исследованиям.

³ По данным документов ГАРФ (Ф. Р-1318. ОП. 1. Д. 562. Л. 10) [Чистяков 2011: 3], к 1918 г. в России было 55 ивритских детских садов в ведении просветительской организации «Тарбут». Из многочисленных объявлений в газете «Гоом», рекламирующих ивритские садики, мы знаем, что в 1918 г.

скве и Одессе существовали курсы Альтермана и Гальперина, где готовили для них воспитательниц. Были также школы и гимназии, в которых преподавание части или всех предметов велось на иврите. В 1918 г. в Москве выходила ежедневная политическая газета на иврите «Гоом», журнал для детей «Шесилим» и толстый литературный журнал «Гатекуфа».

Позже, в конце 1920-х — 1930-е гг., многие представители российской ивритской интеллигенции оказались в Палестине, где продолжали развивать культуру на иврите. Трое редакторов газеты «Гоом» (М. Гликсон, М. Клейнман и Ш. Черновиц) в 1920-е гг. стали работать в Тель-Авиве в редакции «Гаарэц» — главной ивритской газеты Палестины. Все это заставляет предположить, что «московский» иврит играл не последнюю роль в позднейшем развитии иврита израильского.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать один аспект истории языка (европейские заимствования) на материале, к которому лингвисты пока не обращались. Не имея возможности в рамках одной статьи полностью отразить ситуацию, связанную с европейскими заимствованиями в иврите, мы представим читателю лишь те наблюдения над вопросами, которые кажутся нам наиболее любопытными.

Отметим, что некоторые существенные для данной темы наблюдения можно встретить в работах, посвященных смежным областям — маскильскому ивриту (предыдущий период европейского иврита) и раннему израильскому ивриту (иврит интересующего нас периода в Палестине).

0.1. Маскильский период

Иврит второй половины XVIII — конца XIX в. называется маскильским по просветительскому движению Гаскала, в частности стремившемуся создать светскую литературу на «чистом», т. е. библейском иврите. Большинство работ в этой области посвящено литературоведческому анализу, некоторые описывают язык художественной литературы ([Alter 1988; Mirkin 1990] и др.). В конце XIX в. М. Мойхер-Сфоримом (Ш.-Я. Абрамович) разработал новый стиль в ивритской литературе, сочетающий черты иврита разных исторических пластов, а также идиша [Frieden 2012]. Его произведения пользовались небывалой популярностью и повлияли на дальнейшее развитие художественной прозы на иврите.

Одновременно с «высокой» литературой просветителей-маскилов существовал «народный» иврит хасидов. В немногочисленных работах, посвященных языку хасидской литературы этого периода, содержатся весьма любопытные наблюдения о влиянии идиша, русского и польского на язык хасидских авторов. Хасидский иврит высмеивался маскилами за его простоту, грубость и простонародный характер, каковые качества приписывались ему из-за простого синтаксиса, а также из-за калек и заимствований из идиша и славянских языков [Frieden 2008; 2009; Kahn 2014].

Сходные черты присущи и языку газеты «Гоом» — синтаксис его проще, чем в художественной литературе, в нем мало сложной метафорики (того, что в маскильском иврите называется «мелица» — стиль красноречия, основанный на игре библейскими цитатами) и много новых заимствований (международной лексики, общей с идишем и русским), но, в отличие от XIX в., в 1917 г. такой язык газеты имел совершенно иной статус и вызывал восхищение и гордость, а не насмешки⁴.

Для настоящей статьи важно отметить следующее: с одной стороны, еврейское сообщество Восточной Европы в XIX в. характеризовалось диглоссией иврита (H) и идиша (L) [Glinert 1987; Fishman 1967: 31]. В конце XIX — начале XX в. начинается распад этой

около половины из них существовали независимо от «Тарбута», т. е. можно предположить, что их общее число было еще больше.

⁴ Например, М. Клейнман, влиятельный писатель и журналист, писал на страницах «Гоома» о том, как расцвел и преобразился язык ивритской прессы за последние 20 лет (Гоом. 1917. № 18, 6 августа. С. 1).

иврит-идишской диглоссии, в ходе которого каждый из языков стремится захватить все области использования — в идише развиваются верхние регистры литературного языка (художественная проза, поэзия), в иврите — нижние регистры, включая разговорный язык (детские сады и школы с преподаванием на иврите и т. д.). С другой стороны, языковая ситуация диглоссией не исчерпывалась. В России и Восточной Европе в XIX в. евреи часто владели несколькими европейскими языками: как минимум русским, польским и немецким [Fishman 1981: 747]. Многоязычие евреев вообще и элиты, порождающей ивритские тексты, в частности послужило почвой для адаптации ивритом множества европеизмов.

0.2. Работы о генезисе современного иврита

Основное направление работ, посвященных истокам современного израильского иврита, представлено агиографиями Э. Бен-Иегуды. Любые экскурсы в историю иврита XX в. до сих пор воспроизводят миф о возрождении иврита Бен-Иегудой. Последний известный нам случай такого рода встречается в огромном труде Т. Камуселлы, посвященном языковой политике в Центральной Европе [Kamusella 2012: 309—310]. Между тем несостоятельность этого мифа признана, пусть и довольно узким кругом исследователей: первым авторитетным автором, поставившим под сомнение общепризнанную историю «возрождения иврита», считается Б. Харшав [Харшав 2008: 212—213], те же идеи развивает Ш. Изреель [Izre'el 2001: 1—2], Р. Кузар разбирает этот миф с позиций дискурсивного анализа [Kuzar 2001: 84—92], Л. Глинерт уже пишет об этом в общей энциклопедической статье о современном иврите [Glinert YIVO], Н. Сейдман деконструирует миф, используя гендерный подход [Seidman 1997: 102—114], и т. д.

Исследователи новой волны (последних 20 лет) пытаются противопоставить новые концепции мифологическому изложению истории иврита XX в. Приведем работы трех авторов: П. Векслера, Ш. Изрееля и Г. Цукерманна [Wexler 1995; Izre'el 2001; Zuckermann 2003; 2009]. Общую идею этих работ можно свести к следующему: невозможно сделать разговорным языком сообщества язык, бытующий только на письме и лишенный носителей, для которых бы он был родным, материнским языком. Значит, перед нами не возрождение старого языка, а создание языка нового (не семитского). Векслер видит в современном иврите «релексифицированный» идиш, Изреель — креольский язык, возникший из смешения иврита со славянскими и западноевропейскими языками, Цукерманн — гибридный семито-европейский язык.

Иврит газеты «Гоом» дает нам материал, не вписывающийся ни в одну из этих концепций. Традиционная картина предполагает, что в 1910-е гг. центром «возрождения» иврита была Палестина, а основным его действующим лицом — Бен-Иегуда. Между тем язык ежедневной газеты, ее живой стиль, объем, тираж, территория распространения и транслируемая в ней информация в сравнении с газетой «Гацви», издававшейся Бен-Иегудой в Палестине в 1909—1915 гг., свидетельствует об обратном. Как справедливо заметил Харшав, «“период ренессанса” ивритской литературы начался в России <...> после того как Бен-Иегуда отбыл в отдаленную провинцию Османской империи, Палестину. Поэтому, несмотря на то, что он изобрел множество неологизмов и тысячами классифицировал старые слова, его сочинения производили впечатление устаревших и излишне риторичных, его газеты — старомодных, а его речь казалась посетителям, знакомым с возрождением ивритской литературы в Европе, детским лепетом» [Харшав 2008: 238—239].

Новые концепции «ревернакуляризации» иврита ценны своими апофатическими постулатами (иврит XIX в. неверно называть мертвым языком; процессы, происходившие в иврите в XX в., некорректно называть возрождением (*revival*); Бен-Иегуда не играл в них ключевой роли и т. п.), а также данными о влиянии на иврит идиша, славянских и западноевропейских языков. Но их пока недостаточно, чтобы дать непротиворечивую

картину истории языка — слишком много данных с ними не согласуется. Так, наблюдения над развитием языка в упомянутых работах строятся на предположении, что нативизация иврита в Палестине привела к таким кардинальным изменениям, после которых его следует рассматривать как новый язык. Между тем язык европейской прессы на иврите демонстрирует как раз преемственность в развитии иврита, по крайней мере письменного⁵.

0.3. Заимствования в ивритской прессе XIX в.

Первые газеты на иврите начали выходить в середине XVIII в. в Германии, столетием позже центром периодической печати на иврите становится Запад Российской империи (очерк истории прессы на иврите в России см. в [Римон 2007: 141—142]). «Во второй половине XIX в. в России выходило четыре (мы подчеркиваем это) ежедневные газеты на иврите: «Гамагид», «Гамелиц», «Гайом», «Гацфира» — на идише ни одной, — пишет в своих воспоминаниях Б. Каган, идишский журналист и литератор [перевод с идиша наш. — С. Я.], — журналы на иврите также выходили в этом столетии чаще журналов на идише и количество их, представьте себе, было больше» [Kagan 1991: vii]. Только в ОЛСАА РНБ⁶ в Петербурге хранится 79 периодических изданий, выходивших на иврите в Восточной Европе и России до 1918 г.⁷ Стиль и содержание газет постепенно меняются: от витиеватого языка просветителей, полного библеизмов и рассуждений о духовности, — к энергичному информационному стилю газет XX в., где важнее передать не идею, а факты — где, кто, когда. Проблема нехватки лексики для описания современных реалий и идей существовала все эти годы и решалась по-разному.

Общие наблюдения над заимствованиями в ивритской прессе складываются в следующую картину. В 1860—1870-е гг. в основном тексте заимствования использовались редко. Новое понятие передавалось описательно несколькими ивритскими словами, а в скобках давалось пояснение через иностранное слово, обычно на немецком в ивритской графике, реже по-русски или на европейских языках. В прессе 1870—1880-х гг. таких пояснений становится очень много (может быть несколько в одном предложении). Имена собственные и названия давались латиницей, реже — в ивритской графике, которая в скобках пояснялась латиницей. Постепенно часть иностранной лексики выходит из скобок и начинает использоваться в основном тексте (в ивритской графике) — так язык пополняется европейскими. В газетных новостях 1880-х гг. мы встречаем огромное количество немецкой лексики, записанной в ивритской транслитерации, большая часть которой совершенно не адаптирована — сохраняет все флексии немецкого, включая падеж и число⁸. В 1890-е гг. ориентация на немецкий заметно снижается, в начале 1900-х уже сильнее влияние русского языка. Заимствований становится меньше, но они начинают все больше адаптироваться в языке грамматически и орфографически. Иностранные имена и названия передаются ивритским письмом, а пояснения в скобках в 1910-е гг. уже очень редки.

⁵ Й. Решеф в своей недавней статье [Reshef 2014] подтверждает наши наблюдения. Проследившая развитие ранней ивритской прессы в Палестине, она выделяет три направления в развитии языка газетного стиля: консервативный (маскильский), иерусалимский (язык газеты Бен-Иегуды) и европейский. При этом зачатки современного газетного стиля она видит именно в последнем.

⁶ Отдел литературы на языках стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки.

⁷ Каталог ивритской периодики собрания ОЛСАА см. по ссылке: <http://olsaa-rnb.blogspot.ru> (дата обращения 09.10.2013).

⁸ См., например, «Гамагид» за 28.02.1883, с. 5. Статья «Швеция» посвящена похоронам Р. Вагнера. Среди выступавших на похоронах упоминается некто Липпенс, произносивший речь «от имени либеральной ассоциации» (ивритский текст приводится в транскрипции): *be-šem* ('от имени', ивр.) *liberal-en ferain-s* (нем. *Verein*, оба германизма имеют немецкие окончания имен ед. ч. род. п.); а также «профессора университета»: *ha-professor-en šel ha-univerzitet* (германизм *professor-en* имеет немецкое окончание имени мн. ч.).

Социальные и политические катаклизмы начала XX в. в России отражались на развитии русского языка, в частности, с ними связано большое количество заимствованной международной лексики [Горнфельд 1922; Карцевский 1922; Селищев 1928; Живов 2005]. Те же события стали триггером и для развития иврита. Февральская революция, с одной стороны, сняла все ограничения с использования иврита, дала ему возможность развиваться на равных с остальными языками⁹, а с другой — поставила его перед трудной задачей: стать актуальным языком описания ежедневно меняющейся действительности. Пример русского языка, по всей видимости, играл существенную роль в процессе модернизации иврита. Неслучайно вся европейская лексика «Гоома», за редчайшими исключениями, представлена и в русском языке. Те же процессы пополнения словарного запаса и освоения иностранной лексики, что и в русском языке, в газетном иврите в 1917—1918 гг. протекают с необычайной стремительностью. Заимствования последних 30 лет адаптируются грамматически и орфографически, новые заимствования быстро проходят весь путь адаптации по уже выработанным моделям. Модели эти с тех пор прижились и широко используются в современном иврите.

Новая лексика (будь то заимствования или неологизмы) — наиболее актуальная проблема становления современного иврита. Для законодателей иврита в Палестине свобода от заимствований была важной и эмоционально окрашенной темой — она означала самостоятельность и витальность языка. Таково было убеждение Э. Бен-Иегуды, идеолога и практика неологии. Изобретая новые слова и создавая сводные словари старой лексики, Бен-Иегуда не столько заполнял лакуны (как принято считать), сколько боролся с европейскими заимствованиями [Fellman 1973: 59, 69], и ту же деятельность продолжает Академия языка иврит по сию пору¹⁰. Отражение этих взглядов мы находим даже у профессиональных лингвистов: «Средний газетный или книжный текст [на иврите] содержит гораздо меньше иностранных слов, чем соответствующий русский или немецкий (не говоря уже об английском)» [Долгопольский 1990: 351]. Важно понимать, что все неологизмы, возникавшие в иврите и в XVIII, и в XX вв., вводились как эквиваленты ключевых понятий европейской культуры, т. е. играли ту же функциональную роль, что и заимствования. Подробный обзор примеров см. в [Blau 1981: 60—142].

1. Материал

1.1. Общие сведения о газете «Гоом»

С началом Первой мировой войны закрывается большинство ивритских газет: полтавская «Гамодия» в 1914 г. перешла на идиш, но вскоре была закрыта; в 1915 г. закрылась старейшая петербургская газета «Гамелиц»¹¹, а за ней виленский «Газман»; варшавская «Гацфира», ранее ежедневная, с 1917 г. начала выходить раз в неделю.

Летом 1917 г. Б. Кац, журналист и переводчик, публиковавшийся на иврите, идише и польском и к тому времени уже имевший опыт издания газет на иврите («Газман» и «Гэд

⁹ См. постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 г., давшее всяческие свободы и, в частности, отменившее черту оседлости и ограничения на использование национальных языков и другие постановления за тот же месяц [Журналы заседаний Временного правительства].

¹⁰ Цукерманн приводит поучительную стенограмму заседания Академии — две страницы прений о замене общепринятого *želatina* на ивритский неологизм [Zuckermann 2008a: 142—143].

¹¹ Считается, что газета «Гамелиц» перестала выходить в 1904 г. Эти сведения приводятся в двух общих статьях, посвященных этой газете: в энциклопедии ИВО [Holtzman YIVO] и на сайте Historical Jewish Press (<http://web.nli.org.il/sites/JPress/English/Pages/hmlets.aspx>, дата обращения 21.03.2014). Однако в отделе ОЛСАА РНБ хранятся выпуски газеты «Гамелиц» до 1915 г., включая неизвестные исследователям номера за 1905—1915 гг., выходившие в Санкт-Петербурге.

Газман», 1903—1915, Петербург, Вильна) и на идише («Ди цайт», 1905—1906, Вильна), получил разрешение издавать в Москве две газеты — одну на идише, вторую на иврите. Кац решил ограничиться одним изданием, выбрав иврит. Его проект получил поддержку еврейских культуртрегеров и меценатов — И. Найдича, А. Подлишевского и чуть позже Г. и М. Златопольских [Katz B. 1983: 96]. Газета «Гоом» стала единственным ежедневным изданием на иврите в Восточной Европе¹².

Начиная с июля 1917 г. ежедневная газета большого формата объемом в четыре полосы под названием «Гоом» стала выходить пять раз в неделю в Москве. Издание освещало политические и общественные события в России и мире вообще и в еврейском мире в частности¹³. Постоянными рубриками газеты были «Мир или война?» (рубрика первой полосы); «В русских газетах» (дайджест русской прессы); «В России» (собственные статьи о новостях российской политики); «В нашем мире» (новости еврейской жизни России, Украины, Польши, Литвы, Западной Европы, Палестины, США, Аргентины и др.); «Экономическое обозрение»; «Эхо дня» (аналитические статьи о российской политике); «В Москве» (хроника московской жизни); «Телеграммы» (сообщения с мест о событиях в России и Европе); «В последний момент» (экстренные сообщения о последних событиях в России и Европе, полученные по телеграфу или телефону от собственных корреспондентов). Большую часть последней полосы занимали реклама и частные объявления.

Из воспоминаний Б. Каца известно, что первый тираж составлял 7 000 экземпляров, но, поскольку газета пользовалась большим спросом, в дальнейшем тираж значительно увеличился [Katz B. 1983: 96]. О географии распространения газеты можно судить по частным объявлениям, присылаемым читателями, в которых указывается пункт, из которого объявление было отправлено. Опираясь на данные этих объявлений, мы составили карту распространения газеты. Карта эта насчитывает 60 городов и местечек на территории России, Украины, Белоруссии, Румынии, Грузии, Финляндии, Эстонии и Китая: от Томска на севере до Сухуми на юге и от Гельсингфорса на западе до Харбина на востоке¹⁴.

Тексты газеты «Гоом» были выбраны в качестве материала для исследования в силу следующих причин: 1) это единственная ежедневная газета на иврите, которая издавалась в период 1917—1918 гг. (не только в Восточной, но и Западной Европе и на Ближнем Востоке); 2) эта газета выходила в крупном еврейском центре (в Москве, где в силу пертурбаций Первой мировой войны сосредоточилась еврейская культурная жизнь); 3) эта газета издавалась не одним лицом, а широкой редакционной коллегией и имела много авторов, стало быть, ее язык отражает не индивидуальные вкусы издателя, но скорее общие языковые тенденции того времени. Анализ европейских заимствований газеты «Гоом» проводился с оглядкой на ивритскую прессу предыдущего периода, а именно на газеты «Гацефира», «Гамагид», «Гамелиц», «Гацви», «Гапозль гацаир»: орфографическая, грамматическая и морфологическая адаптация, а также сам состав и количество заимствований в «Гооме», сопоставлялись с соответствующими показателями в более ранней ивритской прессе. Богатое собрание прессы на иврите хранится в ОЛСИА РАН, кроме того, в работе использовались возможности проекта «Historical Jewish Press»¹⁵, в рамках которого номера многих газет оцифрованы и имеют внутренний поиск.

¹² В то же время в Москве начали выходить литературный ежеквартальник «Гаткуфе» и детский журнал «Шесилим».

¹³ Относительно полный комплект номеров газеты и ее еженедельного литературного приложения доступен на сайте Historical Jewish Press по адресу: <http://web.nli.org.il/sites/JPress/English/Pages/HaAm.aspx> (дата обращения: 31.12.2013).

¹⁴ Карта с обозначением всех населенных пунктов, из которых приходили частные объявления в газету, расположена по адресу: <http://goo.gl/maps/xZdrG> (дата обращения: 31.12.2013).

¹⁵ <http://web.nli.org.il>

1.2. Обзор заимствований

Газетная статья или заметка в «Гооме» может содержать разное количество заимствований — от 2 до 20 % словарного запаса¹⁶, в зависимости от тематики и стиля. Чем длиннее заметка, тем больше в ней рассуждений и тем меньше общий процент иноязычной лексики. Здесь важно отметить, что широкое использование иноязычной лексики сочетается в языке «Гоома» с элементами традиционного красноречия: аллюзиями на библейские тексты, арамеизмами, традиционными фразеологией и образным рядом. Таким образом складывалась новая языковая норма иврита, формулировавшая принципы еврейской секулярной культуры в России.

Иноязычную лексику «Гоома» можно разбить на три группы в зависимости от той роли, которую она играла в языке. Заимствования первой группы выполняют функцию номинации новых явлений окружающей действительности. В чистом виде эта функция реализуется в передаче новых имен собственных и топонимов, которых требует жанр ежедневной новостной газеты, тем более в период Первой мировой войны, Гражданской войны в России и революции, когда фронтовая сводка ежедневно вводит в оборот все новые названия городов и населенных пунктов. Эти неизбежные заимствования образуют уже внутри языка разного рода дериваты: этнонимы, этниконимы и т. п., что, в свою очередь, способствует заимствованию более широкого круга лексики — названий разного рода политических партий и течений, новых административных учреждений и должностей, военных чинов и обозначений частей армии и т. п.

Ко второй группе заимствований относятся названия более общих понятий: *romantike, iluzje, ironje, estetike, moment, ideal*¹⁷ и т. п. Каждое из них представляет собой сложный концепт, разработанный в европейской культуре¹⁸. Большое количество заимствований такого рода говорит об интенсивном усвоении этих концептов еврейской («ивритской») культурой, об общей ориентации иврита того периода на западную культуру и открытости ее влиянию.

Третью группу составляют дублеты: часть заимствованной лексики имела полные синонимы в иврите, оба слова использовались совершенно равноправно, в одних и тех же контекстах, иногда в рамках одного предложения. Например, слова *procent* и *oxuz*. Контекст их использования не дает возможности обнаружить какие-либо стилистические различия. Подобные дублеты встречаются весьма часто. В этих случаях использование заимствования выполняет сугубо символическую функцию — референции к европейской культуре.

¹⁶ По подсчетам П. Циммерман, европеизмы в газете Э. Бен-Иегуды «Гацви» составляют 2 % от всей лексики [Fellman 1973: 59]. Велик соблазн предположить, что чистота языка палестинских газет Э. Бен-Иегуды, обеспечивалась их патриархальной тематикой.

¹⁷ В статье использована стандартная фонетическая транскрипция, где [j] = й, [x] = х, [c] = ц, [š] = ш, [č] = ч, [ž] = ж и т. д. Ивритские слова даются в ашкеназской произносительной норме, речь о которой пойдет ниже. Окончания существительных женского рода на *l* передаются через [e]. Такая реконструкция актуального произношения того времени имеет под собой следующие основания: 1) редукция гласных в постударной позиции возможна в «популярном ашкенозисе», к которому относится чтение газет (Д. Кац противопоставляет его «формальному ашкенозису», в котором это окончание читается как [o], см. [Katz D. 1993: 76—77]); 2) в ивритской прессе 1870—1880-х гг. данное окончание часто передается через *u*, например: פַּבְרִיקֶּז *fabrike* («Гамагид» от 02.07.1885, с. 225), ז'אָפּאָרטיק *fotografie* («Гацефира» от 08.05.1883, с. 127), что косвенно подтверждает нашу реконструкцию.

Транслитерация передается заглавными латинскими буквами.

¹⁸ Об осознании еврейской интеллигенцией своей культуры как «опаздывающей» по отношению к культуре европейской см. статью [Римон 2007].

2. Орфография и фонетика

В XIX в. в Восточной Европе была распространена так называемая ашкеназская произносительная норма иврита, отсюда название «ашкеназский иврит» или «ашкенозис». Ашкенозис был тесно связан с идишем, в частности, имел с ним общий набор фонем (подробно об этом см. [Katz D. 1993]). В грамматиках, посвященных преимущественно библейскому ивриту, представлены разные произносительные нормы в качестве «исконных»¹⁹. В начале XIX в. наибольшее распространение получила грамматика В. Гезениуса [Gesenius 1813], восходящая к трудам И. Рейхлина (XVI в.). Рейхлин воспринял иврит от сефардских (т. е. происходивших из Испании) ученых, таким образом в европейской научной традиции закрепились сефардская произносительная норма, т. е. не та, которая использовалась восточно-европейскими евреями. В среде маскилов именно сефардская грамматическая традиция имела авторитет. Израильская же норма установилась многим позже и была результатом компромисса между стремлением властей насадить «ученое» произношение и реальностью — ашкеназским по преимуществу населением Палестины: упрощенная система гласных (ближе к сефардскому ивриту) и согласных (ближе к ашкенозису) и сефардское ударение [Айхенвальд 1990: 21; Харшав 2008: 330; Zuckermann 2008b: 84—86, 90—95].

В России господствовал ашкеназский иврит с его региональными вариантами. На нем же писали ивритские поэты (именно в просодике различие двух произносительных норм имеет ключевое значение): Х. Н. Бялик, Ш. Черниковский, З. Шнеур и др. В единичных случаях в начале XX в. некоторые авторы начинали придерживаться сефардского варианта. Это был принципиальный выбор человека, и об этом всегда было широко известно (как в случае с А. Гаамом). По умолчанию бытовала ашкеназская норма. Исходя из этих соображений, естественно думать, что газета «Гоом» предполагала ашкеназское чтение. Это следует также из кириллических транслитераций, встречающихся в газете. Само название «Гоом» транслитерируется в шапке газеты в соответствии с ашкеназской традицией (в сефардской было бы «Гаам») ²⁰.

Как известно, орфография семитских языков строится на фиксации согласных. Гласные несут на себе часть грамматической нагрузки и восстанавливаются при чтении из контекста и знания грамматики. Для ряда согласных действует позиционное чтение: [b]/[v], [k]/[x], [p]/[f] [Гранде 1998: 102—103, 333]. Понятно, что для иноязычных слов требуется какая-то особая система записи.

Для идиша на основе ивритского алфавита был разработан такой способ записи — с внесением некоторых изменений в орфографическую систему [Jacobs 2005: 46—52]. Идишская орфография использовалась для записи иноязычных слов в иврите на протяжении почти всего XIX в.

В конце XIX в. параллельно с идишской постепенно начинает использоваться мишнаитская традиция транслитерации²¹, которая применялась раньше для старых грецизмов и латинизмов. Ниже приведена таблица транслитерации гласных в идише и мишнаитском иврите²².

¹⁹ Например, в грамматике О. Штейнберга фонетическая система библейского иврита реконструируется на основе ашкенозиса. В первой главе автор объясняет, почему именно ашкеназская произносительная норма ближе к библейскому ивриту, чем сефардская [Штейнберг 1871: 12—46].

²⁰ Тем не менее в части объявлений дается сефардская транскрипция, а именно в объявлениях влиятельной организации «Тарбут» (ашкеназское «Тарбус»), начавшей в эти годы создавать в Восточной Европе сеть детских садов, школ и профессиональных училищ на иврите и, кроме прочего, поддерживавшей газету «Гоом».

²¹ Мишнаитский иврит — иврит Талмуда, изучавшегося мальчиками в хедере с восьми лет.

²² Мы приводим упрощенную таблицу транслитерации для того, чтобы дать читателю общее представление, не делая при этом слишком пространных отступлений. Полную систему транслитерации см. в [Krauss 1898, 1: 1—29].

Таблица

Гласный	Идишская запись	Мишнаитская запись
а	א (алеф-пасех)	— / א (алеф)
е	י (айн)	} , (йуд)
і	י (йуд)	
о	א (алеф-комец)	} ן (вов)
и	ו (вов)	

Из таблицы видно, насколько идишский способ транслитерации удобнее мишнаитского — для пяти гласных в идише пять графем, в мишнаитском иврите — только три. Кроме того, идишский вариант предполагает обозначение на письме всех гласных звуков слова, а мишнаитская транслитерация обычно передает только некоторые, причем не обязательно указывается ударный гласный — если это [а], то он может быть опущен.

2.1. Вариативность орфографии

В газете «Гоом» вариативность орфографии заимствований наблюдается на фоне стабильной орфографии ивритской лексики, исторически связанной с кодификацией сакральных текстов. Мы знаем, что у газеты были редакторы — большие статьи, вероятно, редактировались. При этом орфография иноязычных слов отличается разнообразием форм и вариантов. Приведем один пример: месяц мог называться ивритским словом в соответствии с еврейским календарем, что традиционно делалось в шапке газеты и там, где речь шла о еврейских праздниках. В прочих случаях использовалось европейское заимствование. *Август* имел в «Гооме» три орфографических варианта, использовавшихся в равной степени:

- (1) אויגוסט [ojgust] — форма и графически, и фонетически совпадает с идишской²³;
- (2) אווגוסט [avgust] — русифицированная форма, здесь ивритская и идишская орфографии совпадают;
- (3) אוגוסט [ogust] — форма воспроизводит орфографию немецкого *August*, но получает в иврите новое чтение — начальное [о], вместо немецкого глайда [ау]. Она же используется в современном иврите. Добавим, что последняя форма *ogust* могла читаться также как [ojgust] (по ашкеназским правилам) и как [avgust] (по правилам иврита, где один вов может обозначать согласный [v]).

2.2. Установка на отторжение идиша

Вторая особенность орфографии «Гоома» — тенденция избегать совпадений с идишем.

В иврите XIX в. [а] в середине слова передавался в заимствованиях через алеф и не опускался (общая черта с идишем), в «Гооме» мы видим переходную стадию, когда одни и те же слова присутствуют в двух орфографических вариантах — иногда с алефом, иногда без такового: שטאב — ŠTAB и שטב — ŠTB ‘штаб’.

²³ Помимо упомянутых выше орфографических традиций, в XVIII в. маскилами был разработан так называемый ашкеназский немецкий — способ ивритской транслитерации немецкого текста. Один из первых текстов такого рода — перевод Пятикнижия на немецкий язык М. Мендельсона, основателя «Гаскалы» [Mendelssohn 1783]. Ашкеназский немецкий орфографически близок идишу, но имеет ряд особенностей [Wexler 1981]. В частности, именно в нем диграф «вов-йуд» передает немецкое [au].

Две главные черты идишской (а точнее, общей для идиша и иврита в XIX в.) транслитерации — использование айна для передачи [e] и алефа для передачи [o]. Оба стараются избегать в «Гооме». Так, [e] либо передается через йуд (רִיבּוּלוצִיָּה — REVOLUCJE), либо опускается (קֹרספּונדנצִיָּה — KORSPONDNCJE).

Важнейшее следствие установки на отторжение общей с идишем орфографии — транслитерация [o] через вов. В ашкеназском иврите вов читается как [oj] или [ej] либо же как [u] или [v] и почти никогда как [o]. Следовательно, в иноязычном слове вов всегда читался не так, как в «родном». Раньше для передачи [o] в иноязычной лексике использовали алеф (א) или алеф-комец (אָ). Эта орфографическая традиция сохранялась в виленских и варшавских изданиях вплоть до 1930-х гг. Ее мы встречаем и в «Гооме», в таких словах, как [vzvodni] וּזְוּדְנִי 'взводный', [kakaɔ] אָאָאָא 'какао' и др., но такие случаи весьма редки.

Таким образом, в «Гооме» авторы предпочитают записывать иноязычные слова, скорее, не в общей с идишем орфографии, а иначе, частично прибегая к мишнаитской традиции. Такой способ записи иноязычных слов не может диктоваться практическими нуждами — удобнее было записывать иноязычную лексику в идишской орфографии. Эту тенденцию можно трактовать как постепенное размежевание с идишем в рамках общего процесса распада иврит-идишской диглоссии.

Иврит и идиш содержат большое количество общей для них семитской лексики (гебраизмы в идише), которая в обоих языках пишется одинаково (позже в советском идише будут вводиться новые орфографические правила для этой группы слов, обусловленные тем же стремлением обособиться от второго языка в диглоссийной паре). Новые международные заимствования в иврите создают вторую большую область общей с идишем лексики; их орфография, до недавнего времени совпадавшая, начинает сознательно разводиться.

В итоге мы наблюдаем удивительную картину — заимствования, записывавшиеся транслитерацией, неизбежно читались по иным правилам, нежели ивритские слова. То есть слово *Tora* читается как [tojre] (טוֹרָה, где ударный вов произносится как [oj]), а фамилия Троцкий (טְרוֹצְקִי, с тем же ударным вов), очевидно, читается через [o] как [trockij].

Заметим, что структурно эти правила совпадают с принципами идишской орфографии, вырабатывавшейся в XIX — начале XX в. и позже систематизированной М. Вайнрайхом, где по сходной логике гебраизмы подчиняются особым правилам орфографии и чтения. То есть, стремясь уйти от идиша, гебраисты воспроизводили модель идишской орфографии, в соответствии с которой группа иноязычных слов писалась и читалась по особым правилам. Впрочем, во многих западноевропейских языках иноязычные слова даются в орфографии языка-донора и читаются по его правилам, совершенно чуждым языку-реципиенту.

В случае иврита несоответствие чтения «родной» и заимствованной лексики особенно любопытно, потому что эти особые правила чтения для новой иноязычной лексики совпадают с произносительной нормой современного израильского иврита, которая в то время еще не сложилась. Попытки интерпретации этого явления уведут нас далеко в сторону, поэтому здесь мы ограничимся лишь его констатацией.

2.3. Грамматическая адаптация

Третьей явной тенденцией орфографии «Гоома» является использование буквы hey (ה) (а не айн и не алеф) для передачи конечного гласного иноязычного слова в таких заимствованиях, как *probleme, republike, sinode* и т. п.

В 1860—1890-е гг. слова с гласным исходом писались главным образом через последний айн, обозначающий [e] в орфографии, общей с идишем (например, [energje] — ענֶערגֿיע). В 1900-е гг. наряду с этим написанием появляется новое — через последний алеф, в этом случае все иностранное слово пишется в орфографии мишнаитского иврита (אֶנֶרגֿיע). В мишнаитском иврите конечный алеф передавал окончание женского рода в заимствованной лексике: арамеизмах [Perez Fernandez 1997: 63], грецизмах и латинизмах [Krauss 1898, 1: 179—180]. Таким образом, конечный алеф служил маркером иноязычного слова. Эта модель

записи иноязычной лексики начинает вновь широко использоваться в ивритской прессе 1900-х гг., но уже для европеизмов.

В конце 1900-х — 1910-е гг. появляются формы с конечным *hey*. Конечный *hey* — флексия существительных женского рода, таким образом, можно говорить об окончательной адаптации европеизмов. В «Гооме» тенденция грамматической адаптации этой группы слов превращается в последовательное правило, исключения из которого встречаются, но весьма редко (как в уже приведенном выше слове *kakao* — קקאָ). Эта модель сохраняется в современном иврите.

Иногда при этом возникали сложности: во множественном числе гласное окончание единственного числа *-e* (ה) меняется на *-es* (ת), но в некоторых словах перед окончанием множественного числа появляется вставной алеф. Это явление известно в мишнайтском иврите [Segal 1980: 130], его же мы встречаем в некоторых новых заимствованиях: *fabrik-e* — *fabrik-a-es* (פַּבְרִיקָה — פַּבְרִיקָאוֹת), *verst-e* — *verst-a-es* (וִירְסְטָה — וִירְסְטָאוֹת), *universite* — *universit-a-es* (אוּניְבֵרְסִיטֵה — אוּניְבֵרְסִיטֵאוֹת).

Следует отметить, что формы с конечным *ayn* широко использовались в идишской прессе начала XX в., формы с алеф также использовались в прессе на идише, хотя и реже, а вот последний *hey* в этих словах почти не встречается. Таким образом, последовательное использование конечного *hey* в заимствованиях обозначает не только грамматическую адаптацию, но и намеренное обособление орфографии от идиша.

Использование конечного *hey* может затруднять понимание слова. Так, уже в текстах середины XIX в. мы встречаем русицизм *duma* — דומָה (речь шла о городских думах), но тогда он писался с алеф на конце, что делало конечный гласный частью заимствуемой основы и маркировало слово как заимствование. В «Гооме» мы регулярно встречаем это слово с *hey* на конце (דומה), во множественном числе вместо *hey* появляется окончание *-es*: דומות, т. е. мы видим уже давно прижившееся заимствование, которое до такой степени «мимикрировало» под «родное» ивритское слово, что стало полным омографом слова *dojme* ‘подобный, похожий’ (דומות — דומה).

Обобщая сказанное выше, можно заключить следующее: орфография заимствований в «Гооме» была вариативна и допускала следование разным орфографическим традициям; стремление обособиться от идиша в орфографии заимствований приводит к тому, что иноязычные слова пишутся и читаются по особым правилам, каковые предвосхищают произносительную норму израильского иврита, еще не сложившуюся в то время; наблюдается последовательная грамматическая адаптация имен женского рода. Новые тенденции в орфографии могли бы затруднять понимание текстов читателями, их наличие говорит о значительной степени адаптированности заимствований в иврите.

3. Грамматика и морфология заимствований

Как это часто бывает, в первую очередь заимствуются существительные [Haspelmath 2009: 35]. В «Гооме» мы также находим много заимствованных прилагательных и прилагательных, образованных от уже заимствованных до того существительных, — не всегда можно определить, какой перед нами случай. В силу специфики структуры семитского корня глаголы почти не заимствовались: на 500 новых заимствований в «Гооме» приходится три глагола, образованных от заимствованных основ.

В иврите различаются два рода имен — мужской и женский. К 1900—1910-м гг. складывается общее правило дистрибуции заимствованных существительных: слово, имеющее согласный исход получает в иврите мужской род, нулевое окончание в единственном числе и окончание *-im* во множественном (*miting* — *miting-im*); если же существительное оканчивается на гласный, то оно приобретает женский род, конечный *hey* в единственном числе и окончание *-es* во множественном (*telegram-e* — *telegram-es*)²⁴. Надо отметить, что

²⁴ Существуют исключения: например, слова *kafe* и *te* не имели устойчивой родовой принадлежности и согласовывались то по мужскому, то по женскому роду.

в газетах второй половины XIX в. это правило часто не соблюдается, так, например, слова на *-sjon* согласовывались по женскому роду вслед за немецким²⁵.

3.1. Существительные мужского рода

Большая часть заимствований относится к группе имен мужского рода и имеет формы, общие с русскими, немецкими и идишскими соответствующими словами: *protokol, demokrat, moment, klub* и мн. др. В этих случаях невозможно установить, какой язык был донором, что, впрочем, характерно для интернациональной лексики. Ниже будут рассмотрены две наиболее обширные группы заимствований мужского рода — слова на *-izmus* и на *-jon*.

-izmus: так же как и русский, иврит заимствует много «измов»: *misticizm, kapitalizm, separatism, parlamentarizm* и др. Во многих случаях предпочтение отдается латинизированным формам на *-izmus*, пришедшим из немецкого: *avtonomizmus, egoizmus, absolutizmus, idjotizmus, imperjalizmus, socjalizmus* (используется и форма *socjalizm*) и др. Иногда используется суффикс *-ismus*: *dualismus* (эти случаи можно трактовать как ориентацию на немецкую орфографию, ср. нем. *Dualismus*).

Любовь к латинизированным формам в иврите хорошо видна на примере слова *avtonomizmus*. В немецком слово *Autonomismus* использовалось в XIX в. как понятие религиозной философии²⁶. В начале XX в. С. Дубнов сформулировал теорию автономизма (культурной, а не территориальной автономии евреев) в своих статьях на русском языке [Дубнов 1901]. С тех пор понятие *автономизм* в его новом значении использовалось в еврейской прессе на разных языках. На иврите предпочитали латинизированную форму на *-izmus*.

-jon. В некоторых случаях заимствованные имена приобретают в иврите суффиксы, которых мы не находим в соответствующих лексемах ни в одном из возможных языков-доноров. Так, некоторые слова (латинского или греческого происхождения) осваиваются с прибавлением греческого форманта *-jon* (*-iov*): *princip-jon* ‘принцип’, реже *princip*; *proletar-jon* ‘пролетариат’; *komisar-jon* ‘комиссариат’, реже *komisarjat*; *ministr-jon* ‘министерство’, редко также *ministrum*; *sekretar-jon* ‘секретариат’, реже *sekretarjat*; *histor-jon* ‘историк’; *arxi-jon* ‘архив’²⁷. Любопытно, что подобные формы не встречаются в иврите XIX в., они появляются в 1900—1910-е гг. В продуктивности суффикса *-jon* в этот период просматривается тенденция к унификации словообразовательных моделей, как можно видеть, он заменяет сразу несколько иноязычных формантов. То же явление существует в израильском иврите, ср. *texnion* (טכניון).

Нам встретилось два исключения: *monopolin* ‘монополия’ и *metropolin* ‘метрополия’. Возможно, это старые заимствования, попавшие в иврит в тот период, когда греческий формант *-iov* переходил в *-iv*²⁸.

Большая часть германизмов, использовавшихся в иврите в 1860—1880-е гг., к началу XX в. уступает место славянизированным формам тех же слов. Однако многие слова с латинскими формантами на *-um* и *-us* остаются в языке. Приведем еще несколько примеров в дополнение к показанным выше словам на *-izmus*: *музей* на иврите того времени — *muzeum*, *консерватория* — *konservatorium* (также в немецком и польском, реже в идише); *тиф* и его омограф *tipus* ‘тип’ (в сочетаниях *тип личности, тип героя*) и др. Сохранение латинизированных форм следует приписывать не столько остаточному влиянию немецкого (ведь германизмы, не имеющие латинских флексий, в большинстве своем исчезают

²⁵ См., например, газету «Гацфира» от 12.05.1885, с. 133: *komissjon mejuxade* ‘особая комиссия’ (женский род).

²⁶ См., например, [Carové 1832: 279].

²⁷ Вместе с этой формой, близкой к греч. ἀρχεῖον, встречается и форма *arxiv-on*, использующая общую европейскую основу.

²⁸ Слово *metropol-in* (מטרפוליין) указано в словаре Краусса [Krauss 1899, 2: 333], т. е. оно встречается в мишнаитском иврите.

к 1910-м гг.), сколько стремлению использовать наукообразные, «денационализированные» формы, также как и в случаях с использованием других латинских и греческих формантов. Векслер описывает аналогичное явление на примере белорусского и чешского языков в конце XIX — начале XX в. и определяет его как «negatively marked internationalisms», т. е. такие интернационализмы, в которых из пуристических соображений намеренно стерты черты языка-источника и заменены латинскими и греческими формами, «общими» для всех языков [Wexler 1969: 86—89].

3.2. Существительные женского рода

Существительные с гласным исходом, записывающиеся с помощью конечного *hey*, уже обсуждались в разделе орфографии. Здесь стоит добавить, что существительные, имеющие гласный исход, в большинстве случаев попадают в иврите в категорию женского рода, даже если в исходных языках род был иным. Так, например, слово *bjure* (или *bjuró*, если предположить следование фонетике языка-донора) ‘бюро’ на иврите пишется с конечным *hey* и согласуется по женскому роду. В большинстве европейских языков *бюро* среднего (как в русском, польском и немецком) или мужского (как во французском и идише) рода.

В некоторых заимствованиях этого типа заметно влияние немецкого языка. Такие слова, как *kontrolle* ‘контроль’, *epizode* ‘эпизод’, *prognose* ‘прогноз’, *sinode* ‘синод’, в русском и идише относятся к мужскому роду и не имеют гласного исхода, а в немецком языке оканчиваются на немой *-e* и относятся к женскому роду.

Среди заимствованных существительных женского рода выделяются две большие группы — слова на *-je* и на *-cje*.

-je: эту группу составляют такие слова, как *komisje*, *diplomatje*, *energje*, *avtonomje*, и многие другие. Все слова этой группы совпадают с соответствующими заимствованиями в русском и польском языках, из чего можно заключить, что существительные этого типа адаптируются по модели славянских языков. Те же формы представлены в идише. Нельзя сказать, служил ли здесь идиш языком-посредником, или же европеизмы этого типа были взяты напрямую из русского и польского, поскольку еврейская пресса в тот период активно пользовалась всеми четырьмя языками — идишем, ивритом, русским и польским.

Из 35 новых заимствований на *-je*, обнаруженных в «Гооме», только в двух случаях род не совпадает с русскими и польскими аналогами, чему в обоих случаях есть объяснение. Первое — *sanatorje* (мн. ч. *sanatorjes*) ‘санаторий’. Возможно, здесь сказывается влияние идиша, где есть слово *sanatorie* с гласным исходом, также относящееся к женскому роду. С другой стороны, в начале XX в. в русском языке также была распространена форма *санатория* [Чудинов 1910]. Второе исключение — слово *medalje* (медаль). Это слово стало широко использоваться в начале XX в., но заимствовано было многим раньше. Так, мы встречаем его в сочинении испанского талмудиста И. Абоаба рубежа XIII—XIV вв.²⁹.

Встречаются в этой группе и такие иронические заимствования, как *bolševizje*. Это, очевидно, заимствование из русского языка. Хотя его нет ни в словарях первой трети XX в., ни у Селищева, Карцевского, Горнфельда и других лексикологов, оно зафиксировано в форме *большевизия* в дневнике С. Прокофьева от 3 октября 1918 г. [Прокофьев 2002: 739].

Славянская модель адаптации слов этого типа в единичных случаях начинает использоваться с 1880-х гг. и получает широкое распространение в 1900-е гг., постепенно сменяя предыдущую модель, ориентированную на немецкий. В 1870—1890-е гг. распространены

²⁹ [Aboab 1721]: глава 4, раздел 3, часть 2. Нумерация страниц в издании отсутствует, искомую страницу можно найти по ссылке: http://books.google.ru/books?id=4tRRAAAcAAJ&pg=PT364&dq=%22%D7%9E%D7%93%D7%9C%D7%99%D7%95%D7%AA%22&hl=ru&sa=X&ei=2So0UpHUEoba4AT1mIgoDw&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.12.2013).

такие формы, как *komissjon* (קאמיססיען) ‘комиссия’, *garde* (גארדע) ‘гвардия’ и др.³⁰ В языке «Гоома» они уже принимают форму слов на *-je*: *komisje* (קומיסיעה), *gvardje* (גורדיעה).

-cje: эту группу составляют такие заимствования, как *emigracje*, *kompozicje*, *spekulacje*, *revolucje* и мн. др. Латинский суффикс, реализующийся в западноевропейских языках как *-tion*, в русском, польском, идише и иврите XX в. реализуется как *-cial/-cja/-cie*. И в этом случае иврит также следует моделям заимствования славянских языков.

Любопытно, что в современном иврите подобные европеизмы также получают исход *-ija*, *-cija*, что П. Векслер приписывает славянскому влиянию [Wexler 1995: 202]³¹. Мы же добавим, что, так же как и в случае со словами на *-je*, слова на *-cje* начинают широко использоваться в иврите с 1890-х гг. А в предыдущий период слова этого типа заимствовались по модели западноевропейских языков: *deputa-tjon* (דעפוטאציען), *federa-tjon* (פעדעראציען) и др.³²

Не считая слов, образованных с помощью суффикса *-jon*, до сих пор мы рассматривали случаи лексических заимствований, прошедших орфографическую и грамматическую адаптацию в иврите, но не участвующих в словообразовании, — от заимствованных корней не образовывались новые слова по морфологическим моделям иврита³³. Теперь же речь пойдет о неологизмах, произведенных от иноязычных основ, и о заимствованиях, которые уже настолько хорошо прижились в языке, что проявляют словообразовательную активность.

-ijus (ייות)³⁴. Суффикс *-jus* — продуктивный ивритский суффикс, использующийся для образования абстрактных понятий. С его помощью от иноязычных основ образованы слова *nejtralijus* ‘нейтралитет’, *demokratijus* ‘демократия’, *bjurokratijus* ‘бюрократия’, *solidarijus* ‘солидарность’ и др. Подобные неологизмы образуются по следующей схеме: от основы европейского слова производится ивритское относительное прилагательное с помощью суффикса *-i* (*demokrat-i* ‘демократический’, *nejtral-i* ‘нейтральный’ и т. д.), и уже от прилагательного образуется абстрактное существительное с прибавлением суффикса *-jus*.

В одном случае история слова несколько сложнее — *antišemijus* ‘антисемитизм’. Термин *антисемитизм* был придуман В. Марром в 1879 г. Слово образовано из приставки *anti-* и корня *sem* — имени старшего сына Ноя (Сима в русской традиции). В ивритской прессе конца XIX в. мы встречаем прилагательное *antšemiti*, образованное от немецкого слова. В «Гооме» уже используется форма *antišemi*, с заменой латинизированного *sem* на исконное *šem*. От этого прилагательного и образуется абстрактное понятие *antišemijus*.

3.3. Прилагательные

Итак, относительные прилагательные в иврите образуются прибавлением к основе суффикса *-i*: *diplomat* — *diplomat-i*. При этом иврит учитывает и словообразование языков-доноров (как русского, так и западноевропейских), выделяя основу и в тех случаях, когда она в чистом виде не присутствует в самом иврите: *bjuorkat* — *bjuorkat-i*, но и *artiler-ist* — *artiler-i*, *fantaz-je* — *fantaz-i*. Формант *-ist*, не использовавшийся для словообразования, может отбрасываться при создании прилагательных из заимствований: *pesim-i* (ср. нем. *pessim-ist-isch*, русск. *пессим-ист-ический*). Если в языках-донорах суффиксация меняется и вместо обычного словообразовательного суффикса *-isch*, *-ic*, *-ическ*- корень дополнен более специфическими суффиксами (*-al*, *-iv*), то ивритское прилагательное образуется

³⁰ Примеры взяты из газет «Гацфира» за 08.06.1887, с. 2 и «Гамелиц» за 25.11.1888, с. 2497 соответственно.

³¹ Векслер дает транскрипции в соответствии с современным ивритом, мы в статье придерживаемся ашкеназского произношения, принятого в то время в России вообще и в «Гооме» в частности. В обоих случаях речь идет об одних и тех же формантах.

³² Примеры взяты из газеты «Гамагид» за 02.03.1881, с. 72 и 28.02.1883, с. 69.

³³ Об уровнях адаптации иноязычного слова см. [Крысин 2004: 44—51].

³⁴ В ашкеназском иврите суффикс ייות читается как [jus], что сближает эту группу слов с латинизмами. В современном израильском иврите он читается как [jut], таким образом, видимая связь пропадает.

не от основы, представленной в иврите, а от основы иноязычного прилагательного: *administra-cje* — *administrativ-i*, *teritor-je* — *teritorjal-i*.

Важная особенность прилагательных от заимствованных основ в «Гооме» — их широкое использование в тех случаях, когда в современном иврите используются другие синтаксические конструкции (*status constructus* или обстоятельство места)³⁵. Обычно эти прилагательные обозначают отношение предмета к месту: *ha-ve'ide ha-stokholmis* 'стокгольмский конгресс', *ha-xazis ha-rigais* 'рижский фронт', *ha-histadrus ha-odesais* 'одесская организация' и т. п. Эта черта характерна для русского языка (особенно в XIX — начале XX в.), еще чаще она встречается в идише: *vilner goen* 'виленский гаон', *voložiner ješive* 'воложинская ешива', *lubliner organizacje* 'люблинская организация', *černovicer konferenc* 'черновицкая конференция' и др.

3.4. Глаголы

В основе глагольной системы семитских языков — корень глагола, состоящий из трех согласных звуков. Гласные же отвечают за грамматическую форму глагола (вместе с префиксами, инфиксами и окончаниями). Кроме того, глагол встроен в систему так называемых пород, являющихся специфической особенностью семитских языков. Все это затрудняет образование новых глаголов от заимствованных корней. Тем не менее в «Гооме» используются три глагола, образованные от иноязычных основ: *leargen* 'организовывать', *letalfen*³⁶ 'телефонировать', *letalgraf* 'телеграфировать'. Все три глагола встроены в ивритскую глагольную систему по биньяну ПИЭЛЬ. Последние два глагола, очевидно, заимствованы не раньше второй половины XIX в., чего нельзя сказать однозначно о глаголе *leargen*. Кроме форм биньяна ПИЭЛЬ, этот глагол встречается в форме причастия от биньяна ПУАЛЬ (имеющего страдательное значение) — *meurgan* 'организованный', а это может указывать на то, что этот глагол уже давно существует в языке. Клейн, однако, относит его к новому ивриту, указывая при этом происхождение глагола *leargen* от греч. *ὀργανον* [Klein 1987: 67].

* * *

Подводя итоги, можно заключить, что новые заимствования в иврите в этот период обладали высокой степенью грамматической и морфологической адаптации, образовывались даже новые глаголы от иноязычных основ. Для грамматической дистрибуции имен существительных работали регулярные правила. От недавно заимствованных существительных легко образовывались новые прилагательные.

Иноязычная лексика осваивалась с ориентацией на две модели адаптации заимствований: (1) по образцу славянских языков, а именно русского и польского (слова на *-je*, *-cje*), те же модели представлены в идише, который выступал их проводником, что, несомненно, способствовало их адаптации в иврите; и (2) по моделям европейских языков, чаще немецкого (имена с гласным исходом типа *adrese*), и в связи с этим — с помощью морфем классических языков, как в случае с суффиксами *-jon* и *-izmus*. При этом немецкая модель применялась во второй половине XIX в., от нее остался целый пласт заимствований, славянская модель сменяет ее в начале XX в. Общие правила адаптации европейской лексики, работавшие в языке «Гоома», актуальны и для современного иврита.

³⁵ Эта особенность была подмечена К. Дубнов и описана на нашем совместном докладе «Ho'om and Ha'arets — a comparative linguistic and cultural study of advertisements in Hebrew newspapers in Russia and in Palestine during World War I», прочитанном на Международной конференции по языку иврит, ивритской литературе и культуре (НАРН, Бэер-Шева, июнь 2014).

³⁶ По правилам позиционного чтения в иврите мы должны были бы написать *letalpen*, однако правила эти не работают в иностранных заимствованиях. Ту же форму (*letalfen*) фиксирует Массон в 1980-е гг. [Masson 1986: 57].

4. Заключение

Выбор заимствуемой лексики показывает общее направление развития иврита в сторону европейской культуры, открытость ее влиянию. Новая иноязычная лексика в газете «Гоом» выполняет три основные функции: (1) номинация новых реалий, эти заимствования необходимы для создания актуальных текстов; (2) адаптация концептов европейской культуры в иврите и, соответственно, в еврейской культуре и (3) дублирование имеющейся в иврите лексики, т. е. чистая референция к западным языкам и культуре.

На уровне морфологии также прослеживается ориентация на западные образцы (главным образом — немецкий), к которым добавляются славянские модели. Кроме того, заметна склонность к использованию латинских и греческих морфем, что позволяет «денационализировать» заимствование.

Европейские заимствования, за редкими исключениями, прошли полный путь грамматической адаптации. К 1917 г. способы усвоения стали стабильными и новые слова адаптировались по уже выработанным лекалам.

Если в морфологии мы иногда не можем отличить влияние идиша от влияния других языков, то в орфографии единственным ориентиром и оппонентом для иврита был идиш. Многообразие используемых вариантов показывает тесную связь идиша и иврита, но, кроме этого, заметны последовательное отторжение идишской орфографии и выработка особых способов записи и чтения иноязычной лексики. Такое орфографическое обособление естественно в ходе распада диглоссии.

Период энергичного обогащения иврита за счет европейской и славянской лексики оказался весьма кратким. К началу 1920-х гг. почти вся культурная жизнь на иврите в России была уничтожена. В 1920 г. на дебатах, посвященных ивритскому театру «Габима», последнему пристанищу иврита в России, Н. Цемах — глава театра, говорил С. Диманштейну³⁷, подводя итоги: «...Вы закрыли в Москве четыре еврейские [ивритские. — С. Я.] школы, но не открыли вместо них ни одной жаргонной [идишской. — С. Я.], ибо ни один родитель к вам детей своих не посылает, и вот уже полгода ваши инструкторы и учителя получают жалованье за мертвые души. Библиотеку вы реквизировали, еврейские книги опечатали и читателю не выдаете. Библиотекарьшу уволили только за ее нейтральное в этом вопросе отношение. Так же вы насаждаете древо познания и в других городах» [Стенограмма 1920: 205—206].

Расцветший в России модернизированный иврит, ориентированный на европейскую культуру, был признан советскими властями языком клерикальным, отсталым и националистическим и вскоре был фактически запрещен.

В Палестине же, где в 1921 г. иврит получил статус одного из трех государственных языков, европейский иврит оказался слишком интернациональным. Стремление к национальному государству по модели «одна страна, один народ, один язык» имело своим следствием языковой пуризм. Ориентация на европейскую культуру сменилась конструированием «своей» национальной культуры, образцы которой виделись скорее в культуре восточной. На уровне языкового планирования это выразилось в деятельности Комитета языка иврит, направленной на решение двух задач³⁸: (1) насаждение сефардской произносительной нормы, близкой к фонетике арабского языка. Оставив в стороне идеологические мотивы этой деятельности, мы увидим ее языковую подоплеку — стремление разорвать диглоссийную связку иврит — идиш, обособив иврит фонетически, как продолжение процесса распада диглоссии, начавшегося в XIX в.; (2) создание новой, «недостающей» ивритской лексики. В действительности большая часть этой лексики уже существовала в иврите, но в форме заимствований из европейских языков, с которыми пуристы считали необходимым бороться.

³⁷ С 1918 г. Диманштейн возглавлял Центральное бюро Евсекции ВКП(б).

³⁸ О деятельности Комитета языка иврит см. [Bar-Asher 1990].

Тем не менее около 40 % заимствований, обнаруженных в газете «Гоом», остались в современном иврите по сей день. Что еще важнее, были выработаны четкие модели, которые позволяют с легкостью интегрировать в язык любые нужные понятия европейской культуры. И самое главное — был создан новый стиль, открытый европейскому влиянию и языковым инновациям и обладающий при этом высоким статусом. «Газеты и выросшие из них СМИ (прежде всего радио) стали, — пишет Харшав, — возможно, главной силой, распространившей и объединившей современный иврит» [Harshav 1993: 127].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Айхенвальд 1990 — Айхенвальд А. Ю. Современный иврит. М.: Наука, 1990. [Aikhenval'd A. Yu. *Sovremennyy ivrit* [Modern Hebrew]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Горнфельд 1922 — Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова: Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Петроград: Колос, 1922. [Gornfel'd A. G. *Novye slovechki i starye slova: Rech' na s'ezde prepodavatelei russkogo yazyka i slovesnosti v Peterburge 5 sentyabrya 1921 g.* [New words and old words: A speech at the conference of teachers of the Russian language and literature in Petyburg, September 5, 1921]. Petrograd: Kolos, 1922.]
- Гранде 1998 — Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Восточная литература, 1998. [Grande B. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie semitskikh yazykov* [An introduction to comparative study of Oriental languages]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1998.]
- Долгопольский 1990 — Долгопольский А. Б. Современный иврит: Самоучитель: Начальный курс / Сост. Блюм Ш., Рабин Х. М.: Советский писатель, 1990. С. 345—352. [Dolgopol'skii A. B. *Sovremennyy ivrit: Samouchitel': Nachal'nyi kurs* [Modern Hebrew: A self-teaching guide: Introductory course]. Blyum Sh., Rabin Kh. (comp.). Moscow: Sovetskii Pisatel', 1990. Pp. 345—352.]
- Дубнов 1901 — Дубнов С. М. Автономизм как основа национальной программы // Восход. 1901. Книга 12. С. 3—40. [Dubnov S. M. Autonomism as a basis for the national program. *Voskhod*. 1901. Book 12. Pp. 3—40.]
- Живов 2005 — Живов В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 175—200. [Zhivov V. M. Language and revolution. Meditations on the old A. M. Selishchev's book «Language of the revolutionary epoch» and on the processes Selishchev didn't have time to describe. *Otechestvennye zapiski*. 2005. № 2. Pp. 175—200.]
- Журналы заседаний Временного правительства — Журналы заседаний Временного правительства. Март — октябрь 1917 года / Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мironenko. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2001. [Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva. Mart — oktyabr' 1917 goda [Minutes of the Interim Government sessions. March – October, 1917] Kozlov V. A., Mironenko S. V. (eds). Vol. 1. Moscow: ROSSPEN, 2001.]
- Карцевский 1922 — Карцевский С. О. Язык, война и революция: Научно-популярный очерк // Современные записки. Кн. X. Страсбург, 1922. С. 313—320. [Karcevskij S. O. Language, war and revolution: Popular scientific essay. *Sovremennye zapiski*. Book X. Strasbourg, 1922. Pp. 313—320.]
- Крысин 2004 — Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe* [The Russian word: native and foreign]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Прокофьев 2002 — Прокофьев С. Дневник. 1907—1918. Т. 1. Париж: SPRKF, 2002. [Prokof'ev S. *Dnevnik* [Diary]. 1907—1918. Vol. 1. Paris: SPRKF, 2002.]
- Римон 2007 — Римон Е. Стратегия опоздания: ивритская литература XIX века в русском и европейском контекстах // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 129—167. [Rimon E. Delay strategy: XIX-century Hebrew literature in the Russian and European context. *Voprosy literatury*. 2007. No. 3. Pp. 129—167.]
- Селищев 1928 — Селищев М. А. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М.: Работник просвещения, 1928. [Selishchev M. A. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917—1926)* [Language of the revolutionary epoch: from observations on the Russian language of the recent years (1917—1926)]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya, 1928.]
- Стенограмма 1920 — Стенограмма обсуждения «Габимы» в Центротейатре 16 февраля 1920 года // Иванов В. В. Русские сезоны театра Габима. М.: АРТ, 1999. С. 201—212. [A shorthand report of the

- discussion of «Habima» in the Centrotreatre on February 16, 1920. Ivanov V. V. *Russkie sezony teatra Gabima*. Moscow: ART, 1999. Pp. 201—212.]
- Харшав 2008 — Харшав Б. Язык в революционное время / Пер. Л. Черниной. М.: Текст, 2008. [Kharshav B. *Yazyk v revolyutsionnoe vremya* [Language in the revolutionary time]. Transl. by Chernina L. Moscow: Tekst, 2008.]
- Чистяков 2011 — Чистяков С. С. Детсадовский «культуркампф»: дискуссия о языке еврейского дошкольного образования в России в начале XX века // Еврейская культура на идиш: истоки, традиция, трансформация и современное состояние: Материалы I Международной конференции. Биробиджан, 2011.: http://icarp.ru/konferens/konf_2011/konf_idish_2011/Chistykov.pdf (дата обращения: 08.10.2014) [Chistyakov S. S. Preschool «Kulturkampf»: a discussion of the language of Jewish preschool education in Russia in the beginning of the 20th century. *Evreiskaya kul'tura na idish: istoki, traditsiya, transformatsiya i sovremennoe sostoyanie: Materialy I Mezhdunarodnoi konferentsii*. Birobidzhan, 2011. С. 20. Available at: http://icarp.ru/konferens/konf_2011/konf_idish_2011/Chistykov.pdf (accessed 08.10.2014).]
- Чудинов 1910 — Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910. [Chudinov A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [A dictionary of foreign words merged into Russian]. St. Petersburg: Izdanie V. I. Gubinskogo, 1910.]
- Штейнберг 1871 — Штейнберг О. Н. Полный курс еврейской грамматики для систематического изучения языка Ветхого Завета, его история, этимология и синтаксис. Вильна: Типография М. Ромма, 1871. [Shteinberg O. N. *Polnyi kurs evreiskoi grammatiki dlya sistematicheskogo izucheniya yazyka Vekhogo Zaveta, ego istoriya, etimologiya i sintaksis* [A full course of the Jewish grammar for systematic study of the Old Testament language, its history, etymology and syntax]. Vil'na: Tipografiya M. Romma, 1871.]
- Aboab 1721 — Aboab J. *Menorat hama'or*. Amsterdam, 1721. [אבוהב י. מנורת המאור]
- Alter 1988 — Alter R. *The invention of Hebrew prose: modern fiction and the language of realism*. Seattle: University of Washington Press, 1988.
- Bar-Asher 1990 — Bar-Asher M. 'Al ha'ekronot bikvi'at hanorma bedikduk beva'ad halashon uva'akademia lelashon. *Leshonenu*. 1990. No. 54. Pp. 127—150. [בר-אשר מ. על העקרונות בקביעת הנורמה בדקדוק בוועד הלשון ובאקדמיה ללשון]
- Blau 1981 — Blau J. *The Renaissance of Modern Hebrew and Modern Standard Arabic: parallels and differences in the revival of two Semitic languages*. Berkeley: University of California, 1981.
- Carové 1832 — Carové F. W. *Die letzten Dinge des römischen Katholicismus in Deutschland*. Leipzig, 1832.
- Fellman 1973 — Fellman J. *The revival of classical tongue: Eliezer Ben Yehuda and the Modern Hebrew*. The Hague: Mouton, 1973.
- Fishman 1967 — Fishman J. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*. 1967. No. 23. Vol. 2. Pp. 29—38.
- Fishman 1981 — Fishman J. Epilogue: Contributions of the sociology of Yiddish to the general sociology of language. *Never Say Die!: A Thousand Years of Yiddish in Jewish Life and Letters*. The Hague: Mouton, 1981. Pp. 739—756.
- Frieden 2008 — Frieden K. Innovation by translation: Yiddish and Hasidic Hebrew in literary history. *Religion*. New York: Syracuse University, 2008. Paper 72. No. 1 (1). Pp. 417—425.
- Frieden 2009 — Frieden K. Neglected origins of Modern Hebrew prose: Hasidic and Maskilic travel narratives. *AJS Review*. New York: Syracuse University, 2009. No. 33 (1). Pp. 3—43.
- Frieden 2012 — Frieden K. Yiddish in Abramovitsh's literary revival of Hebrew. *Leket: Yiddishe Shtudies haynt*. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2012. Pp. 173—188.
- Gesenius 1813 — Gesenius W. *Hebräische Grammatik*. Halle: Renger, 1813.
- Glinert 1987 — Glinert L. Hebrew-Yiddish diglossia: type and stereotype implications of the language of Ganzfried's Kitzur. *International Journal of the Sociology of Language*. 1987. No. 67. Pp. 39—55.
- Glinert 1993 — Glinert L. *Hebrew in Ashkenaz: a language in exile*. New York: Oxford University Press, 1993.
- Glinert YIVO — Glinert L. Language: Hebrew. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. Available at: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Hebrew> (accessed: 01.11.2013).
- Harshav 1993 — Harshav B. *Language in time of revolution*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. Lexical borrowings: concepts and issues. *Loanwords in the world languages: a comparative handbook*. Haspelmath M., Tadmor U. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 35—54.

- Holtzman YIVO — Holtzman A. Ha-Melits. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. Available at: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Melits_Ha- (accessed: 21.03.2014).
- Izre'el 2001 — Izre'el Sh. The emergence of spoken Israeli Hebrew. *The Corpus of Spoken Israeli Hebrew (CoSIH). Working Papers I*. Hary B. (ed.). Tel Aviv: Tel Aviv University, 2001. Pp. 1—13.
- Jacobs 2005 — Jacobs N. G. *Yiddish: a linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Kagan 1991 — Kagan B. *Jidishe shtet, shtetlekh un dorfishe jeshuvim in Lite biz 1918. Historish-biografishe skices*. New York: National Yiddish Book Center, 1991. [אין ליטע ביז 1918. היסטאריש-ביאגראפישע סקיצעס בערל כהן. ידישע שטעט, שטעטלעך און דארפישע יישובים]
- Kahn 2014 — Kahn L. *A grammar of the Eastern European Hasidic Hebrew tale*. Leiden: Brill, 2014.
- Kamusella 2012 — Kamusella T. *The politics of language and nationalism in modern Central Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Katz 1983 — Katz B. *'Al 'itonim va-'anashim*. Tel-Aviv: Tscherikover, 1983. [ב"ץ ב. על עיתונים ואנשים]
- Katz 1993 — Katz D. The phonology of Ashkenazic. *Hebrew in Ashkenaz: a language in exile*. Clinert L. (ed.). New York: Oxford University Press, 1993. Pp. 46—87.
- Krauss 1898—1899 — Krauss S. *Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum*. Bd 1, 2. Berlin: S. Calvary & Co., 1898—1899.
- Klein 1987 — Klein E. *A comprehensive etymological dictionary of the Hebrew language for readers of English*. Jerusalem: Carta, 1987.
- Kuzar 2001 — Kuzar R. *Hebrew and zionism: a discourse analytic cultural study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Masson 1986 — Masson M. *Langue et idéologie: les mots étrangers en hébreu moderne*. Paris: éditions du CNRS, 1986.
- Mendelssohn 1783 — Mendelssohn M. *Netivot hashalom*. Berlin, 1783. [השלום נתיבות. מ. מנדלסאהן]
- Mirkin 1990 — Mirkin R. Mende utrumato la'ivrit. *Leshonenu la-'am*. 1990. No. 40—41. Pp. 201—207. [לעם ותרומו לעברית. לשוננו מגדלי. ר. מירקין]
- Perez Fernandez 1997 — Perez Fernandez M. *An introductory grammar of Rabbinic Hebrew*. Leiden: Brill, 1997.
- Reshef 2014 — Reshef Y. Shlosa dorot ba'itonut ha'ivrit shel re'shit hame'a ha 'esrim. *Leshonenu*. 2014. No. 76. Vol. 3. Pp. 327—345. [רשף י. שלושה דורות בעיתונות העברית של ראשית המאה העשרים]
- Segal 1980 — Segal M. H. *A grammar of Mishnaic Hebrew*. Oxford: Clarendon, 1980.
- Seidman 1997 — Seidman N. *A Marriage made in heaven: the sexual politics of Hebrew and Yiddish*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Wexler 1969 — Wexler P. Towards a structural definition of 'internationalisms'. *Linguistics*. 1969. Vol. 7. No. 48. Pp. 77—92.
- Wexler 1981 — Wexler P. Ashkenazic German (1760—1895). *International Journal of the Sociology of Language*. 1981. No. 30. Pp. 119—130.
- Wexler 1995 — Wexler P. The slavonic 'standard' of Modern Hebrew. *The Slavonic and East-European Review*. 1995. Vol. 73. No. 2. Pp. 201—225.
- Zuckermann 2003 — Zuckermann G. *Language contact and lexical enrichment in Israeli Hebrew*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Zuckermann 2008a — Zuckermann G. «Realistic prescriptivism»: the Academy of the Hebrew language, its campaign of «good grammar» and lexpionage, and the native Israeli speakers'. *Israel studies in language and society*. 2008. No. 1 (1). Pp. 135—154.
- Zuckermann 2008b — Zuckermann G. *Israelit Safa Yafa*. Tel-Aviv: Am Oved, 2008. [צוקרמן ג. ישראלית שפה יפה]
- Zuckermann 2009 — Zuckermann G. Hybridity versus revivability: multiple causation, forms and patterns. *Journal of Language Contact*. Varia 2. 2009. Pp. 40—67.

Статья поступила в редакцию 25.03.2014.